

Д. БЕРТО, И. БЕРТО-ВЬЯМ

СЕМЕЙНОЕ ВЛАДЕНИЕ И СЕМЬЯ: ТРАНСМИССИИ И СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ, ПРОСЛЕЖИВАЕМЫЕ НА ПЯТИ ПОКОЛЕНИЯХ

БЕРТО Даниель — видный французский социолог, руководитель группы в Национальном Центре научных исследований. Автор трех книг и многочисленных статей по проблемам социальной мобильности. БЕРТО-ВЬЯМ Изабель — сотрудник Национального Центра научных исследований (группа социологии труда). Автор ряда статей о миграционных процессах, по социологии семьи и женской тематике. В нашем журнале публикуются впервые.

Введение

В своих первых исследованиях, посвященных конкретному осмыслению проблемы социальных страт, социологи рассматривали в качестве базисного элемента не индивида, а семейную единицу. Однако по мере развития техники выбора репрезентативных образцов, т.е. способа, при котором в качестве базисного элемента рассматривается индивид, этот подход социологами был отвергнут. Остается сожалеть, что один из способов детерминации выпал из поля зрения современной теории.

Вот уже в течение нескольких лет мы пытаемся реконструировать перспективную «семейственность» (преемственность) в вопросах теории стратификации и социальной мобильности. Так, например, мы рассматриваем статус «социальный» в качестве атрибута семейных групп, а не изолированных индивидов. Последние имеют статус «профессиональный», что не одно и то же. Идея социального статуса как атрибута семьи приводит к понятию семейных социальных траекторий в качестве последовательности социальных статусов одной «семьи» (под семьей, существующей в течение достаточно длительного промежутка времени, можно понимать «единицу», которая делится и восстанавливается в каждом поколении, не нарушая преемственности, а придавая ей более сложный и интересный характер). Равным образом мы полагаем, что в классовом обществе — по контрасту с кастовым или командно-

административным обществами — нормальный социальный статус не может передаваться по наследству, от родителей к детям. Родители могут лишь сделать доступными или передать элементы (экономические, культурные, социально-пространственную локализацию и т.п.), из которых складывается социальный статус. «Воспроизводство» осуществляется вовсе не механически, это процесс динамический.

Данные принципы позволяют реконструировать социологию страт и социальной мобильности, в которой женщины, наконец-то заняли свое место, равно как и семейные связи, а также многие другие феномены (например, растущая дифференция образовательных, профессиональных и социальных траекторий детей из одной семьи). Эта теоретическая предпосылка должна основываться на соответствующих наблюдениях: вот почему мы исследовали «истории семей» как новый инструмент социального наблюдения (Берто и Берто-Вьям, 1981, 1984, 1986).

Истории семей на самом деле дают доступ к рассмотрению разнообразия процессов образования социальных траекторий (индивидуальных и семейных) и, в частности, так называемых процессов *внутри* семей и самих индивидов в отличие от внешних процессов (рынки труда и случайные структуры, глобальные исторические события и т.п.). Если, к примеру, рабочая карьера, начиная с момента трудоустройства, зависит главным образом от внешних процессов, то выбор первого места работы, от которой в дальнейшем будет зависеть карьера, обусловлен семьей. Социальная среда происхождения характеризуется определенным уровнем (по крайней мере во Франции эти уровни очень различны в зависимости от семей) экономических доходов, культурных и образовательных возможностей доступа к общественным средствам производства и к рынкам занятости, а также различным культурным микроклиматом даже внутри одной социальной среды. Дети, выросшие внутри столь различных микроклиматов и неравных возможностей семей, демонстрируют эти различия в способе бытия, в своих отношениях к школе, к деньгам и к будущему. Из этих всевозможных различий статистическая переменная «профессия отца» является устаревшим показателем.

Но истории семей показывают не только то, что скрывается за «социальным происхождением» индивида. Они заставляют сконцентрироваться не только на индивидах и их траекториях, но и на отношениях между родителями и детьми (или, в более общем смысле, между родственниками по восходящей, боковой и нисходящей линиям). Процессы социализации организуются, на наш взгляд, вокруг разного рода трансмиссий: моделей поведения и отношений, ценностей и запретов, языковых средств, перцептивных, познавательных, образовательных, коммуникативных, эмоциональных, наконец, ресурсов и семейных доходов. Эти трансмиссии являются в той или иной мере осознанными, в той или иной мере произвольными (некоторые могут быть абсолютно непроизвольными, даже противоположными сознательно преследуемым целям), они в той или иной степени «приняты», присвоены теми, кому предназначены. Во всяком случае, от того, что «воспринял» каждый ребенок, будут зависеть в большей мере не только становление его личности, но также, например, учеба и включение в активную жизнь (т.е. отправная точка его профессиональной траектории), даже социальная интеграция.

Итак, мы исследуем истории семей с точки зрения образования социальных траекторий, имея в виду трансмиссию. Собирая эти истории, мы предоставляем нашим собеседникам возможность самим ткать узор своих рассказов, при этом ведущий только напоминает темы, которые желательно развить в беседе. Восстановление семейного (генеалогического) древа, восходящего по крайней мере к двум парам дедушек и бабушек собеседника (ЭГО) и включающего всех родственников по нисходящей линии этих двух пар, а также их супругов (супруг), являлось часто стимулом для продолжения беседы.

В данном случае мы проявляем особый интерес к вопросу: как сделать эксплицитным неявное имплицитное разнообразие социологических элементов во всякой истории семьи?

Безусловно, лучшим методом является сравнительный анализ. Рассмотрим, к

примеру, десять семей, в которых дедушки и бабушки были крестьянами в начале века, и сравним их судьбы: таким образом можно проследить, последовательно дифференцируя соответствующее значение профессиональных траекторий членов этих семей, внешних и внутренних факторов, первоначальное различие в доходах семьи (даже незначительное), местных условиях, семейном микроклимате и особых явлениях, которые раньше не принимались во внимание.

Получая таким образом знания о типе судьбы, который был не только возможным, но и реальным в рамках определенного социального происхождения и в определенную эпоху — или, по выражению Сартра, «поле возможностей», — можно будет повторить эксперимент применительно к другой социальной среде. И только после этого перейти к самому главному, т.е. к сравнению поля возможностей представителей различных социальных групп в данную эпоху.

Однако прежде необходимо понять, что сообщает нам каждая история семьи прежде всего в социологическом плане. Отсутствие одного сравнительного параметра, одной вариации переменной составляет основную трудность этой стадии анализа. К этому можно добавить и отсутствие в социологии традиции изучения случайных процессов (случая). Принцип Аристотеля «нет нации, есть только общее» приводит к потере интереса к частному случаю, в то время как совершенно очевидно, что любой частный случай представляет и «общий» параметр. Всякая история семьи уникальна только частично: она имеет несколько общих черт с множеством других историй и множество общих черт с некоторыми другими историями семей. «Общее» не является прерогативой большого числа историй, его следует искать также в частных случаях.

* * *

История семьи, которую мы здесь анализируем — или скорее рассказ одного из ее членов, — была записана в небольшом городе Центральной Франции (далее по тексту — Совтерр). Мы ее выбрали, т.к. нам казалось, что она прекрасно иллюстрирует один из аспектов общего феномена трансмиссий: трансмиссии ремесленного капитала. В этом городе четыре последующих поколения мужчин были ремесленниками: один мельник, один пекарь, один торговец зерном, один производитель корма для скота. Поскольку мы пытаемся понять, каким образом семейное владение средствами производства (или торговлей) определяет судьбу или лежит бременем на потомках, эта история семьи заслуживает глубокого анализа.

В процессе работы нам стало понятно, что исследование частного случая позволит осмыслить более общую проблему: что управляет индивидуальными траекториями — сами индивиды или социально-структурные отношения? При такой постановке вопроса альтернатива может показаться карикатурной, однако она применима к каждому из понятий, которыми пользуются социологи, занимающиеся исследованием социальной мобильности. Очевидно, например, что понятия «репродуцирование», «препятствие мобильности», «социальная гомогамия» (для выбора супругов) могут укрепить структуралистско-объективистскую концепцию, в то время как понятия типа «achievement status attainment process» либо «strategy» укрепляют противоположную концепцию. «Не крестьянин наследует землю, но земля наследует крестьянина», — говорят в деревне. Исследуя семью ремесленников, посмотрим, можно ли то же самое сказать о них.

I. История семьи, прослеживаемая на четырех поколениях.

Совтерр, октябрь 1987 г.

Рассказывает г. Дезире Терренуар, 65 лет, пенсионер.

«Мой отец умер немногим более года назад, он был уроженцем здешних мест. Он родился в 1899 г., а умер в 1985 г. в возрасте 86 лет. Его отец, т.е. мой дед, родился неподалеку отсюда в 1858 г., он был из сельской семьи — семьи мельников. В то время в Боваллоне небольшие мельницы не только мололи муку, но были оснащены

для производства сидра, орехового масла; имелась также небольшая красильня. Все это производство находилось неподалеку от реки, в которой водилось много рыбы. Настоящий рай для рыбаков, рассказывал мой дед, водилось очень много форели.»

Дед Батист был младшим из семи детей. Он был еще совсем юным, когда умер его отец Альфонс, деревенский мельник. После смерти отца его мать вступила в брак с земледельцем, вдовцом и отцом шести детей (от второго брака родилось еще шесть детей). Батиста воспитывала бабушка, так как «в семье возникли проблемы».

В возрасте 17—18 лет Батист отправился в г. Совтерр, где стал подмастерьем. Несколько лет спустя, в 1880 г. молодой человек открыл собственную пекарню на окраине города, на дороге, которая вела к его родной деревне.

«... Дом был тесный, внизу находилась пекарня ... Это очень сложно, поскольку дом стоял на перекрестке двух дорог. Со стороны дороги, ведущей в Р., дом был приподнят по отношению к другой стороне. Фактически было два нижних этажа... было смещение... Пекарня размещалась на одной стороне дома, а булочная на другой, но над пекарней находились кухня и маленькая комната, на третьем этаже — еще две комнаты».

Молодому человеку было 22 года, когда он вступил в брак с 16-летней дочерью садовника: «Они торговали рассадой овощей».

«Мой дед был в то время человеком довольно крупным, красивым, и бабушка обратила на него внимание. Но она видела его только в одежде булочника. Когда он надел на свадьбу костюм, она с трудом его узнала. Что же касается свадебного путешествия, они сели в карету и отъехали на несколько километров. И в свадебную ночь он встал в два часа, чтобы идти печь хлеб. Мне это рассказала бабушка».

Вся семейная жизнь организуется вокруг пекарни. Молодая женщина занимается лавкой: торговля в основном концентрируется на селе, куда Батист выезжает на телеге во второй половине дня.

«Моя бабушка была человеком очень живым, динамичным. Она держала булочную и одновременно бакалейную лавку. Они торговали также сельскохозяйственной продукцией, зерном и удобрениями. Моя бабушка была прекрасной торговкой, очень активной, уже тогда она спокойно одна ездила в Б. (за 120 км), чтобы купить крупу, или в Т. за макаронными изделиями или удобрениями, либо заключить торговые сделки. Мой дед занимался исключительно пекарней, выпечкой хлеба, а также имел небольшой сад. Он обожал работать в саду. Выращивал огромное количество клубники и очень много ее продавал. Мой дед устроил в саду водосборник для полива: в саду находился колодец, сад был очень плодоносным».

У Батиста и его жены Бланш родилось шесть детей, двое из которых умерли в младенчестве. Осталось четверо сыновей, родившихся между 1882 и 1899 гг., двое из них погибли в 1917 г. Шарль, отец нашего собеседника, младший из четверых.

Окончив начальную школу, Шарль получил место служащего в банке. После войны он ушел из банка, в котором проработал почти два года, и вернулся домой, чтобы помогать отцу. В 1922 г. женился на девушке, которая служила в доме на той же улице, где жил Шарль.

«Моя мать родом из соседней области, она родилась в многодетной и довольно бедной семье. Она была вынуждена "искать место" в очень раннем возрасте, в 11 лет. В 15—16 лет приехала в город, чтобы устроиться в доме на той же улице, где жил мой отец. Так он познакомился с моей матерью».

Обе семьи устраиваются. Поскольку пекарь и его жена живут над пекарней, молодой человек переезжает в дом, расположенный на той же улице, который его отец купил несколько лет назад. В этом доме уже живет старший брат Шарля, банковский служащий, также женатый. Его жена служит на почте. В 1923 г. у Шарля и его жены Камиллы родился сын Дезире, рассказчик этой истории. К великому сожалению родителей и самого Дезире, он так и остался единственным ребенком в семье.

Четыре года спустя, в 1927 г. дед Батист умер. Происходит реорганизация семьи.

«Так как торговля бакалейными товарами и сельскохозяйственной продукцией

расширилась, то мой отец нанял рабочего в пекарню и горничную для магазина и дома. Они оба питались с нами, как одна семья. К слову, время от времени я встречаю того рабочего, он был на два года старше моего отца. Сейчас ему 90 или 91 год. В основном выпечкой хлеба занимался он. Отец помогал загружать тесто в печь, но основную работу делал он, а раньше мой дед. Отец мой занимался главным образом торговлей, коммерцией, делами в бакалейной лавке и сельскохозяйственным производством, выездной торговлей хлебом.»

Родители Дезире — Шарль и Камилла занимали этаж над пекарней, когда переехала к ним бабушка Дезире, она и взяла на себя его воспитание.

«Бабушка меня очень баловала. До 4-х лет со мной занимались родители, а затем — до 9—10 лет — бабушка. Она меня баловала, даже очень. Она болела астмой и — в то время это было достаточной редкостью, — проходя термальное лечение, брала меня с собой. Я ездил с ней три года подряд. Мне нравилось, что она занималась не только лечением, но и туризмом, вместе со мной, мне было от 7 до 10 лет. Когда 50 лет спустя я приехал в это место с женой и вновь встретился с женщиной, которая некогда была молоденькой горничной в гостинице, выяснилось, что она еще помнила мою бабушку, поскольку та была активной, ее замечали... Она любила поговорить, всегда была в курсе происходящего, следила за политикой. Политика ее прямо не касалась, но ей это нравилось... В наше время и в нашей местности для женщины это было большой редкостью.»

Окруженного любовью Дезире опекал, кроме того, учитель, друг семьи. Начальная школа, которую посещал мальчик (светская), носит имя племянника его бабушки, убитого на войне 1914—1918 гг. Брат этого племянника работал в школе учителем. Все это способствовало тому, что у Дезире остались о школе самые теплые воспоминания.

«Мне было 10 лет, когда умерла бабушка, ровно 10. Я очень переживал ее смерть. Как я вам говорил, это была весьма энергичная женщина. Она чувствовала приближение смерти и, будучи верующей... выразила желание собороваться в присутствии обоих внуков... она была женщиной энергичной. Это на меня произвело сильное впечатление».

После смерти бабушки наследство, накопленное дедом Батистом, было разделено между Шарлем и его братом. Шарль оставил за собой недвижимое имущество в виде пекарни. Его сын Дезире занимает маленькую комнату на третьем этаже. Дом, в котором он жил с бабушкой, переходит в собственность его дяди по отцовской линии (брату Шарля), у которого тоже единственный сын. Шарль имеет, кроме того, третий дом, купленный Батистом на той же улице и используемый как склад для товаров. На следующий год он получает дом, прилегающий к пекарне, чтобы увеличить жилую площадь, т.к. «действительно было тесно».

Дезире успешно сдал экзамен в шестой класс. Без видимых трудностей, поощряемый и поддерживаемый своей семьей, он получил степень бакалавра.

«Моему отцу, вероятно, хотелось, чтобы я стал учителем. Надо сказать, у меня не имелось ясных планов... Нас было три товарища, и после экзамена на бакалавра один сказал: "...А что, если нам подготовиться к конкурсу, — мне было 18 лет, — а что если мы выдержим конкурс на поступление в морской торговый флот в Марселе?" Это было довольно необычно для землевладельца. Однако здесь у меня имелся предшественник: мой друг, который был старше меня, он служил морским офицером, и я хорошо знал его родителей.»

Три друга выдержали достаточно трудный конкурс (из 300 кандидатов было принято только 60). Дезире проучился два года, но провалился на выпускных экзаменах.

«Мы были молоды, ничем не ограничены и могли бы легко пересдать экзамен, но шел 1943 г., мне было 20 лет. Францию оккупировали. В 1942 г. я добровольно записался в Compagnie des Messageries Maritimes и должен был отправиться в Черную Африку, но наш корабль не смог покинуть порт. Это стоило мне в 1943 г. отбывания

трудовой повинности в балтийском флоте в качестве курсанта немецкого морского флота.»

Такая жизнь не привлекала Дезире Терренуара, и как многие другие молодые люди того времени, он ушел в маки. В конце войны, благодаря случаю, он смог продолжить учебу на ускоренных курсах подготовки офицеров. В 1945 г. он, младший лейтенант артиллерии, зачислен в экспедиционный корпус, базирующийся на Дальнем Востоке, и ожидает отправки туда. Однако из-за капитуляции Японии его зачисление на службу становится недействительным.

«Я мог бы добиться назначения на службу в Индокитай, но не захотел. Я уже понял, что военная карьера меня не привлекает. Меня назначили в Р., неподалеку отсюда, где около трех месяцев я ждал демобилизации. Я составил кое-какие планы на будущее; я уже твердо знал, что имею очень независимый склад характера, в силу чего любая военная карьера или нечто подобное мне не подойдет.»

В течение этих трех месяцев Дезире Терренуар стремится получить «профессиональный билет», которого не было у его отца и который позволил бы ему заниматься торговлей зерновыми. После демобилизации он возвращается в Совтерр с этим козырем и ведет торговлю вместе с отцом, но ему очень хочется «заниматься производством корма для скота».

У него есть и другие причины для возвращения. Он познакомился с Дианой Лемер, девушкой своего возраста, окончившей лицей.

«... Мы почти не были знакомы. Она отмечала свой день рождения, 18 лет, и пригласила моих друзей, которых знала лучше, чем меня, и поскольку я находился среди них, она сказала мне: "Вы тоже можете прийти", так, между прочим. После этого дня рождения мы встречались в течение шести лет, у нас были взлеты и падения... Я жил в Марселе, учился в Морском училище, жениться не собирался. Не потому, что это было бы сложно, это было просто несовместимо со службой во флоте. Мы поженились в 1947 г. Она получила медицинское образование, но в 1947 г. еще не полностью закончила учебу. Она защитила диплом в следующем 1948 г. Вскоре родился наш первый сын.

Диана происходит из семьи потомственных нотариусов в Совтерре. Ее отец и дядя — дантисты. Сама она проработала несколько лет школьным врачом в соседнем городе. После рождения второго сына в 1952 г. она была вынуждена временно оставить работу. Два года спустя она приступает к созданию регионального медицинского центра. Она успешно защищает государственный диплом, необходимый для получения этого места. Она и сейчас руководит этим центром, который очень разросся за 30 лет.»

После свадьбы молодая пара занимала один из домов семьи Терренуаров (дом, прилегающий к пекарне). Однако вскоре представилась возможность устроиться иначе. Дезире Терренуар покупает торговые помещения, продажей которых занимается дед его жены, а также соседний дом, принадлежащий сестре его отца. Так, приблизившись к центру города, он все же смог заниматься производством продуктов для скота и прямой продажей в селе. Он преуспевает в этом с 1952 по 1958 гг.

«Здесь один человек имел большое предприятие по заготовке корма для скота. Он производил почти весь корм для скота в нашем районе, а я как раз думал о том, что должно найтись место и для другого, более скромного по размерам дела. Был момент, когда я даже думал уйти в жандармерию, но ... это было проще простого. Я знал, что начать дело очень трудно, особенно первые два года, но мне всегда хотелось заниматься заготовкой корма для скота.»

Месье Терренуар трезво оценил новые потребности сельских жителей, но не он один; местный кооператив тоже стал заготавливать корм для скота. Месье Терренуар попытался тогда объединиться с этим кооперативом, но безуспешно.

«Я продолжал заниматься заготовкой корма для скота, и наступил момент, когда нам стало невыносимо тесно. Нужно было расширяться, я попросил земельный участок в промышленной зоне, чтобы открыть большую артель или маленькую

фабрику. Но и для маленькой фабрики нужны значительные средства: мне было уже между 44 и 45 годами и я колебался.»

Наступил 1968 г. У месье Терренуара были причины для сомнений. Его дело выросло до региональных масштабов благодаря плодотворному союзу с предприятием, расположенным на другом конце региона. Однако у рассказчика возникли проблемы с руководителями, и он решил разорвать союз. В то же время председателем местного кооператива становится новый человек, с которым он знаком лично. Когда новый председатель предложил ему предоставить свою клиентуру и войти в штат кооператива, он охотно согласился.

«Я передал все дело в местный кооператив, довольно внушительный. В кооперативе я стал отвечать за управление торговлей, мне удалось переделать мои помещения в квартиры, которые я сдаю. Я был в кооперативе в течение 10 лет, но вышел из него, не достигнув пенсионного возраста, по состоянию здоровья.»

У месье и мадам Терренуар два сына, оба выросшие в доме в центре города. Старший сначала изучал медицину, но затем ушел в систему образования, он холост, у него слабое здоровье. Пока он не думает ни о женитьбе, ни о более серьезной профессиональной карьере. Второй сын изучал архитектуру, некоторое время преподавал в техническом коллеже, затем вернулся в Совтерр, где стал агентом по продаже недвижимости. Его жена тоже работает в агентстве, у них 10-летняя дочь. Семья живет в доме в центре города.

Что касается месье и мадам Терренуар, они живут сейчас на вилле, стоящей на возвышенности. Отсюда из просторного, залитого солнцем салона, открывается вид на Совтерр и близлежащую деревню, здесь месье Терренуар рассказывает нам историю своей семьи, широким жестом указывая на то или иное место, например, на дом родителей жены, который в ясную погоду виден с виллы, либо такие места, как старая мельница, колыбель семьи, силуэт которой угадывается за лесом и полем.

II. Структуры, поле возможностей, детерминация

Мы проследили на четырех поколениях развитие мужской линии семьи: у Батиста было два сына, достигших зрелого возраста; его сын Шарль имел единственного сына, Дезире. У Дезире два сына, Эмиль и Этьен. Эту историю семьи нетрудно удержать в памяти.

1. Преемственность профессий

Речь идет о семье ремесленников, говоря в широком смысле, о лице, которое обладает средством производства и само его использует.

Можно было бы ожидать механической трансмиссии статуса ремесленника, но это не так. В семье Терренуаров мужчины не становились ни мельниками от отца к сыну, ни даже пекарями (Шарль Терренуар при первой возможности отошел от ремесла как такового). Мне кажется, что каждое поколение имеет свой собственный «профессиональный план», свою собственную «стратегию накопления». Новое поколение отличается от предыдущего освоением нового вида деятельности, привнесением «новшества». Оно «мобилизовалось» вокруг целей, которые себе поставило.

Если между поколениями и была трансмиссия, то не в виде «идентичных» трансмиссий, как в случае, когда сын нотариуса становится в свою очередь нотариусом.

Первой задачей социолога, нам кажется, должна стать попытка увидеть за словами «объективное» детерминирование, т.е. социально-структурное: это структуралистский момент.

Прежде всего следует отметить «техническое родство» семейных ремесел. Профессии мельника, пекаря, торговца зерном и семенами, производителя корма для

скота объединяет между собой то, «что все они имеют дело с зерном». 100 лет спустя правнук занимается и *mutatis mutandis* тем же, чем занимался прадед: он толчет зерно. Мельник занимался этим ради людей, а производитель корма для скота — ради животных. Это сходство может оказаться только формальным, поэтому следует выяснить, является ли этот ряд преемственных профессий непрерывным или прерывным.

Речь идет не только о видоизменении торговли зерном или продукцией[^] произведенной из зерна. Хотя семья Терренуаров в 1875 г. (при Батисте) совершила миграцию из деревни в город, ее деятельность осталась ориентированной на «земледельцев».

Как было принято в крестьянской среде, откуда вышел Батист, в течение продолжительного времени сделки заключались без посредства денег. Одним из наглядных примеров является «обмен» в местном кругу «зерно — мука — хлеб». Все крестьяне везли мельнику свое зерно, получая от него муку (свою муку) в обмен на несколько мер зерна. После этого крестьянин мог сам хранить муку и печь хлеб на своей ферме, либо мог отвезти муку в пекарню в город и брать там хлеб в течение всего года, за вычетом доли, полагающейся пекарю. В этом сложном кругу не циркулировал ни один сантим. Обмен происходил в течение всего года, он основывался на доверии к мельнику и пекарю.

Батист, переезжая в город, казалось бы, порвал с миром торговых сделок (операций). Но что такое город, как не рынок? Однако как местожительство, выбранное Батистом для постройки пекарни (на окраине города, на пути, ведущем к его родным местам), так и случайные комментарии в рассказе его внука указывают на то, что «эта городская» пекарня с самого начала была задумана и ориентирована на сельскую клиентуру, на крестьянские семьи, которые, вероятно, знали Батиста как сына мельника Альфонса.

В таком случае ежедневные выезды Батиста в двуколке в соседние деревни приобретают специфический смысл: это была его «клиентура», унаследованная косвенно от отца, которого он сменил. Следует напомнить, что его жена вела торговлю сельскохозяйственной продукцией: удобрениями, семенами. Кому она их продавала? Очевидно, не горожанам, а все тем же земледельцам, которым ее муж продавал хлеб.

Их сын Шарль унаследовал дело своих родителей и развил его; его собственный сын помнит об этом очень хорошо:

«Прежде хлеб делали на закваске... Мой отец продавал иногда закваску клиентам, которые сами пекли хлеб. В деревне было много людей, которые сами пекли хлеб и вместе с тем покупали закваску у булочника. Я хорошо помню, что в молодости видел моих родителей, продающими закваску земледельцам, которые пекли домашний хлеб.

— Не помните ли Вы, чтобы Ваш отец предоставлял кредит земледельцам или другим обитателям (Совтерра)?

— Да, он предоставлял кредит. Часто земледельцы оплачивали хлеб натурой — либо зерном, либо мукой, они практиковали то, что называют обменом, вплоть до 1959—1960 гг.... У моих родителей был маленький блокнот, в котором они отмечали поставки.»

Что касается Дезире, который работал сначала со своим отцом Шарлем, то он создал собственное предприятие по изготовлению и продаже кормов для животных. Но кем были его первые клиенты, если — это можно предположить — не те же самые крестьянские семьи, те же самые земледельцы, предки которых (деды) возили зерно на ослах мельнику Боваллону — предку, деду Дезире?

На протяжении четырех поколений продукты, поставляемые земледельцам, изменялись. Конная двуколка была заменена машиной с газогенератором. Потом грузовиком с двигателем внутреннего сгорания. Но за всеми этими изменениями прослеживается постоянная сеть взаимосвязей между семьей Терренуаров, переехавшей в город, и семьями крестьян, оставшимися на месте.

Невидимая, нематериальная, неосоздаваемая сеть отношений составляет, однако,

постоянную основу коммерческой формы, трансформируемой каждым последующим поколением рода Терренуаров.

Тогда становится понятным, что Серия трансформаций, которым подверглось предприятие Терренуаров, базируется не на фантазии. Напротив, она очень точно соответствует последовательным этапам общего развития сельского хозяйства (регионального, национального, европейского) на протяжении века. Функция предприятия Терренуаров остается неизменной и состоит в том, чтобы перерабатывать зерновые для земледельцев данной местности. Помол зерна, выпечка хлеба, селекция семян, производство кормов для скота — вот четыре вида деятельности одного типа. Каждый возникал в свое историческое время, и всякий раз находился один из потомков Терренуаров, чтобы стать первым в новом деле.

Прошлое позволяет лучше оценить исключительную продолжительность предприятия Терренуаров на протяжении поколений. Капитал, который переходит от одного поколения этой семьи к следующим, не исчерпывается недвижимостью или деньгами, но является также и даже преимущественно капиталом социальных отношений, отношений, сложившихся между семьями на протяжении поколений в стабильной, постоянной среде; отношений, на основе которых действуют в соответствии с эпохой и, следовательно, требованиями земледельцев различные виды торговли. Одним словом, то, что называют «клиентура».

Но данный «социальный» капитал представляет ценность только в том случае, если преемник Терренуар сам пускает его в ход. Такова особенность этого капитала. Он оказывает сильное воздействие, которое при прочих равных обстоятельствах имеет тенденцию «каптировать» наследника в каждом поколении. В этом, как в содержательной структуре, которая точно вырисовывает истинную профессиональную генеалогию, заключается преемственность профессий, само различие которых отражает адаптацию к рынку.

Самым поразительным является, быть может, нематериальный характер этой структуры, что делает ее еще более содержательной. Физический капитал (недвижимость) можно было бы продать и реализовать, таким образом, его ценность. Тем самым наследник освободил бы себя от него, но социальные отношения, клиентура не продаются.

Чтобы понять социологическое значение этого феномена, нужно переосмыслить стереотипное понятие торговой деятельности. В наши дни нет другого более анонимного вида деятельности: отношения, установившиеся между клиентом и кассиром супермаркета, продавцом газет или работником бензозаправочной станции есть отношения краткие, ограниченные, безличные, почти полностью механические.

Но в мире, где существуют традиции, в мире, в который вписывается история этой семьи, торговля имеет иной смысл, совершенно противоположный, который и сегодня сохраняется в старофранцузских поговорках, дошедших до нас: «il (ou elle) est d'un commerce agreable» приятный в обхождении, досл. — «с ним приятно торговать»; «le commerce des hommes» в значении общение людей, досл. — «торговля между людьми». В таком мире торговля осуществлялась только между людьми, давно знавшими друг друга, взаимно доверявшими, уверенными, что партнер не исчезнет бесследно. Всякая сделка включала в себя неотделимый параметр социальности.

Экономические отношений не были еще отделены от социальных. В крайнем случае можно было бы предположить, что социальный статус мужчин семьи Терренуаров зависел не от их профессионального статуса, а наоборот, их социальный наследуемый статус - положение в социальном пространстве и пространстве взаимных семейных статусов, позволял им осуществлять и развивать профессиональную деятельность.

Материал подготовил Л. И. ЗИМИН

Окончание следует